

Поместье сиятельного князя Цзина, раскинувшееся в западной части столицы Юнцзи, по праву считалось одним из величественнейших архитектурных ансамблей со времён основания Великой Ци. В разные эпохи эти палаты принадлежали великой принцессе-основательнице, Первоприсутствующему Се Вану и третьему дяде покойного императора Су. Стены этого дома помнили не одно поколение великих мужей, оставивших след в народных легендах.

Когда же эта знаменитая усадьба с её резными балками и расписными карнизами перешла по наследству к нынешнему Сиятельному князю Цзину, её уголья разрослись до пугающих размеров — почти в шестьдесят тысяч квадратных саженей.

Каково это — владеть огромным дворцом, тянувшимся на целые версты, в самом сердце столицы, где каждый клочок земли ценится на вес золота?

Прежде Чи Нину казалось, что столь щедрый дар воплощал безграничную отцовскую любовь императора Су к своему старшему, хоть и побочному, сыну. Но теперь...

Проделав долгий путь от главных ворот до парадной залы, юноша всерьёз заподозрил, что покойный государь просто-напросто пытался заставить наследника похудеть.

Сиятельный князь Цзин с самого детства славился своей невероятной тучностью. Он был настолько грузен, что обычные лошади под ним попросту прогибались. В своё время одна из императорских наложниц даже всенародно съязвила, будто вдовствующая императрица Юцинь растит не сына, а борова.

Но князь, к чести своей, не посрамил материнских трудов и вырос человеком незаурядным. Если закрыть глаза на его вес, который продолжал неуклонно расти, в остальном он был безупречен. На фоне братьев и сестёр своего поколения Сиятельный князь Цзин выглядел настоящим исполином мысли: блестяще образованный, щедрый к талантам и по-житейски добродушный. Его мягкое обаяние дородного добряка снискало ему немало преданных сторонников как при дворе, так и в народе.

В государстве Ци, где издавна превозносили внешнюю красоту, Сиятельный князь Цзин с его, мягко говоря, специфической внешностью сумел собрать вокруг себя толпы верных последователей исключительно благодаря личному магнетизму.

Когда бесследно исчез император Тяньхэ, Сиятельный князь Цзин как приёмный сын вдовствующей императрицы мгновенно стал одним из главных претендентов на престол. Новый император и Сиятельный князь Цзин выступили из своих уделов почти одновременно. Однако Сиятельный князь Цзин до последнего цеплялся за надежду отыскать пропавшего государя и тратил время на поиски, из-за чего прибыл в столицу чуть позже своего соперника.

Никогда не стоит недооценивать это «чуть позже». История порой бывает безжалостно

иронична: упустив возможность первым войти в городские ворота, ты упускаешь Поднебесную. Так было с несчастным царевичем Цзю, так случилось с великим тираном Сичу, и Сиятельный князь Цзин не стал исключением.

Прежде пути Чи Нина и Сиятельного князя Цзина не пересекались. Когда юноша только попал во дворец в годы Юнпин, он был безвестным, всеми забытым мальчишкой, которому и мечтать не приснилось приблизиться к старшему принцу. А когда Чи Нин подрос и поступил в Императорскую школу евнухов, Сиятельный князь Цзин уже отбыл со всем семейством в свои земли Шу — удельным владыкам строгойше запрещалось возвращаться в столицу без особого указа.

Чи Нин видел его лишь однажды — во время великого траура по усопшему императору Су. Огромный, могучий Сиятельный князь Цзин, напоминавший свирепого лесного медведя, ворвался во дворец дождливой грозовой ночью. Он первым рухнул на колени перед будущим императором Тяньхэ, присягая на верность и моля о мире для Поднебесной.

Когда Чи Нин прибыл в усадьбу, самого хозяина дома не оказалось — поговаривали, что он отправился навестить старого друга. Супруга Сиятельного князя Цзина безвременно ушла из жизни много лет назад, а сам он, будучи натурой верной и поэтичной, так и не женился вновь. Из близких родственников при нём оставался лишь единственный сын и Наследник князя Цзина. Так что людей, способных принимать решения в этом огромном доме, было немного.

К счастью, молодой Наследник князя Цзина как раз бодрствовал, уединившись в кабинете за книгами. Стоило Чи Нину объяснить цель своего визита, как княжеский распорядитель радушно провёл гостя внутрь и поспешил доложить о нём господину. Не прошло и нескольких минут, как в залу стремительной, лёгкой походкой вошёл сам Вэнь Хуайгу.

Наследник князя Цзина оказался сверстником Чи Нина. Лицо его отличалось приятной миловидностью, а высокий рост и стройность свидетельствовали о том, что отцовское телосложение обошло его стороной. Одет он был в простые с виду, но баснословно дорогие домашние одежды. Характер юноши под стать наряду казался скромным и даже слегка замкнутым, однако во взоре его сквозила твёрдость характера — такого не обведёшь вокруг пальца.

Пока Чи Нин украдкой разглядывал хозяина, тот без тени смущения изучал знаменитого евнуха Линя.

Перед ним сидел юноша лет семнадцати-восемнадцати, безусый, с аккуратно уложенными волосами. Зубы его белизной походили на речной жемчуг, а алые губы и изящный разлёт бровей придавали лицу особую утончённость. Чуть приподнятые уголки глаз создавали иллюзию мягкой улыбки, лишая облик малейшей угрозы. Подобная безмятежная кротость чаще встречалась у благородных девиц, однако кристально чистый, возвышенный дух Чи Нина не позволял обмануться. Он походил на вольный ветер в сосновой роще или на стойкое дерево на краю одинокого утёса. Одно его присутствие в строгом чиновничьем платье приносило покой.

Глядя на этого приветливого отрока, трудно было вообразить, откуда за ним тянется столь пугающая, зловещая слава.

— Действительно, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, — искренне вздохнул Вэнь Хуайгу. — Сяньсянь мне все уши о тебе прожужжал.

Сяньсянь — так звали в обители второго старшего соученика Чи Нина, Юй Синчуя. Два года назад его отправили служить оборонным евнухом в богатые земли Шу. Вскоре его письма к младшему брату насквозь пропитались ароматом сычуаньского перца и острых приправ. Забавно, что сам Наследник князя Цзина, выросший в тех краях, изыскался на безупречном столичном наречии.

— Ваш покорный слуга тоже не раз слышал от старшего соученика похвалы в адрес Вашего Высочества. Он писал, что вы подобны чистому нефриту и свежему утреннему ветру. Теперь же я вижу, что скромные кисти в письмах не смогли передать и десятой доли вашего благородства.

Слышал ли Чи Нин что-то подобное от своего непутёвого брата по обучению на самом деле — ведали лишь они двое. Но правила приличия требовали сыпать любезностями, и юноша не скупился на слова. После обмена изысканными комплиментами натянутость между ними окончательно растаяла.

Выждав удобный момент, Чи Нин мягко перевёл разговор на цель своего визита — расспросить наследника о его пожеланиях касательно предстоящей женитьбы. Он даже раскрыл чистую тетрадь, намереваясь занести туда каждую мелочь, которая придётся молодому господину по душе. Такое рвение выдавало в госте человека исключительно добросовестного.

— Что до женитьбы... В делах брака пристало полагаться на волю родителей и посредников, — с лёгкой улыбкой отозвался Вэнь Хуайгу. — Я рождён в императорской семье и давно смирился со своей участью.

Наследник князя Цзина ничуть не походил на того упрямца, о котором шептались при дворе, — общаться с ним оказалось легко и приятно.

В Великой Ци члены правящей династии подчинялись строгой системе государственного подбора супругов. Ни император, ни наследные князья не могли самолично выбрать спутницу жизни; даже их августейшие родители имели в этом вопросе на удивление мало веса. Опасаясь засилья влиятельных кланов в кулуарах власти и заговоров знати, император-основатель ещё на заре государства постановил: государыни и княжеские жёны должны избираться исключительно из числа девиц из простых, но добропорядочных семей Поднебесной.

Заведовала этим отбором Дирекция дворцового хозяйства, чьё могущество в первые годы империи было безраздельно. Разумеется, в отношении любимцев престола евнухи не дерзали своевольничать, однако с членами рода, оказавшимися на обочине милости, разговор шёл иной. Не ублажишь высокомерного слугу — и век тебе вековать с девицей, от одного взгляда на

которую кровь стынет в жилах.

Условия отбора невест из народа были довольно мягкими, за исключением одного непреложного табу: дочерям высших сановников первого и второго рангов путь в царские чертоги был закрыт. О замужестве за принцем или хотя бы за Наследником князя Цзина им не приходилось и грезить. Их судьбой становились союзы с юношами равного круга из семей таких же чиновников. Лишь в редких случаях, когда государь изливал особую милость, благородной девице позволялось войти в княжеские покои в качестве законной супруги.

Однако ныне новоиспечённый император бдительно следил за каждым шагом своего «любезного старшего брата», Сиятельного князя Цзина. Позволить его наследнику породниться с могущественным министром означало бы собственноручно взрастить опасного врага. В этом и крылась главная загвоздка: государь не мог допустить союза Вэнь Хуайгу со знатной невестой, но и пренебречь его женитьбой тоже не смел. Малейшая ошибка — и старый лис Сиятельный князь Цзин тут же уцепился бы за повод, чтобы поднять крик на всю страну и обвинить трон в неуважении к родственникам.

Придворные евнухи шарахались от этого дела как от чумы, считая его неподъёмной ношей. Чи Нин же, едва услышав об этой трудности, лишь подивился их недомыслию. Зачем ломать голову? Если нельзя брать девицу из знатного рода, но при этом необходимо угодить дому Сиятельного князя Цзина, выход лежал на поверхности:

Нужно всего лишь отыскать ту, которая понравится самому наследнику.

— Золотом не купишь то, к чему лежит душа, — мягко улыбнулся Чи Нин. — Не так ли, Ваше Высочество?

Дочь именитого сановника вовсе не обязательно станет доброй спутницей. Лучшее не всегда равно самому дорогому — почему столь простая истина оставалась недоступной для прочих? Дворцовые интриганы так увлеклись мыслью, что брак принца — лишь разменная монета в чужих руках, что напрочь лишились способности видеть очевидное.

Вэнь Хуайгу на мгновение застыл, поражённый этими словами. Хоть он быстро справился с удивлением, в его сердце шевельнулось искреннее расположение к гостю. Даже если бы хитрые замыслы его отца и вдовствующей императрицы не обязывали его во всём выказывать евнуху расположение, он всё равно проникся бы уважением к такому подходу.

Рост, стать, ум или изысканная красота будущей супруги — всё это отходило на второй план. Главное — Чи Нин даровал ему бесценную свободу выбора.

Наследник весело и открыто рассмеялся, и в его взгляде вспыхнуло неподдельное дружелюбие.

— А ты и впрямь удивительный человек, Чи Линь-Линь!

Увы, не успел молодой Наследник князя Цзина поведать Чи Нину, к какому идеалу стремится его сердце, как в залу, задыхаясь от страха, ворвался слуга.

— Господин... господин! Ордер... к нам ворвались с ордером на арест!..

Ордер на арест в Великой Ци был грозным документом, дававшим право брать людей под стражу. Подобной властью обладали лишь Парчовые стражи да Восточный притвор. По закону бумага требовала утверждения в Судебном приказе, однако на деле стражники частенько хватали виновного без лишних разговоров, а подписи собирали задним числом. Именно так по указке Чи Нина младший канцлер Ся когда-то упрятал за решётку Вэнь Шибao, избалованного внука великой принцессы Канлэ.

Небесный суд скор на расправу: не прошло и недели, как Чи Нин сам оказался в шкуре своей недавней жертвы. Явившиеся за ним воины вели себя нагло и бесцеремонно, пресекая любые попытки заговорить избитой присказкой тюремщиков: «Замолчи и иди молча, твои речи нам без надобности».

Несмотря на высокий пост координирующего чиновника Восточного притвора, Чи Нину предстояло отправиться за решётку по милости Парчовых стражей. Гордые стражники не желали безропотно склонять головы перед Притвором, и часть их ведомства отчаянно пыталась вернуть былую независимость. Ради этого они даже решились найти себе нового покровителя среди дворцовых кастратов. Пришедшие за юношей конвоиры были ему незнакомы, однако мелочный и мстительный почерк этой расправы выдавал зачинщика с головой.

Старший евнух Ма Гуан из Дирекции церемониала.

Очевидно, новый император благоволил подобным усобицам внутри стражи, стремясь ослабить влияние Восточного притвора, а потому развязал евноху Ма руки. Чи Нин посмел арестовать Хуан Саньнян, его близкую родственницу. Ма Гуану было совершенно плевать, виновна ли женщина на самом деле — он жаждал крови обидчика. Внутренние распри во дворце всегда отличались первозданной жестокостью.

Что же до самого Чи Нина... он был на седьмом небе от счастья!

Наконец-то на его долю выпали настоящие, весомые гонения. Не зря же он так упорно лез на рожон и беспечно разгуливал по столице без охраны. Радостно ухмыляясь про себя, юноша покорно дал увести себя под конвоем. Вскоре ворота зловещей Императорской тюрьмы захлопнулись за его спиной.

Императорская тюрьма Чжаоюй находилась в ведении Северной управы расследований. Сюда, согласно закону, сажали лишь по личному указу государя, но на деле узники оказывались в кандалах задолго до того, как императорская кисть успевала коснуться бумаги. Помня о высоком чине пленника и его связях в сыском ведомстве, стражники обошлись с ним на удивление бережно: отвели сухую, приличную камеру и даже не заикнулись о дыбе или плетях.

Эти казематы были идеальным гнездилищем для призраков Одержимости. Ещё на подходе к темнице Чи Нин заметил клубящийся над черепичными крышами чёрный туман человеческой злобы, а внутри его взору открылось бесчисленное множество Одержимостей. Большинство из них вились в сыром воздухе багровой, сочащейся кровью дымкой — зрелище куда более жуткое, нежели безвредная тень повесившегося у ворот Дирекции дворцового хозяйства Синчжи.

В Чжаоюй порой находились несчастные, у которых под гнётом пыток открывалось духовное зрение. Насмотревшись на потусторонних тварей, эти безумцы целыми днями истошно вопили. Прежде Чи Нин гадал, отчего здешние узники так быстро лишаются рассудка, теперь же тайна была раскрыта.

В соседней камере сидел как раз такой «счастливчик», отчаянно и яростно сражавшийся с невидимыми демонами. Поначалу Чи Нин вознамерился проигнорировать этот шум, однако доносившийся из-за стены голос показался ему до боли знакомым. Узников разделяла глухая, оштукатуренная известью перегородка, сквозь которую проникали лишь звуки.

— Старший брат? — позвал Чи Нин.

— Линь-Линь?! — донеслось в ответ.

Соседом оказался другой его соученик — Цзян Чжиуэй, которого в обители ласково величали Цзян-Цзян. Какими словами его описать? Чи Нин долго перебирал в уме подходящие выражения, но так и не смог подобрать точного определения. Если и было в характере брата Цзяна нечто выдающееся, так это его непреодолимая страсть плясать на краю бездны, дразня закон и судьбу.

Проще говоря — он обожал наживать себе неприятности.

— Ха-ха-ха! Какими судьбами! Не ожидал я, что мы встретимся в этой дыре!

Цзян Чжиуэй хаживал в Чжаоюй как к себе домой. Он без конца влипал в истории, но всякий раз умудрялся выходить сухим из воды. Сам он любил говаривать: «Коли ты рождён в Великой Ци и служишь при дворе, где каждый второй — доносчик и ябеда, то без пары-тройки арестов в Чжаоюй тебе в приличном обществе и показаться стыдно. Какой ты после этого чиновник?»

— Не дрейфь, малец! Твой старший брат здесь каждую крысу в лицо знает, прорвёмся!

Господин Юань усмехнулся в его сознании:

"Твой названный брат чертовски напоминает отпетого лоботряса, — раздался в сознании юноши насмешливый голос Господина Юаня, — который до смерти рад видеть, как строгий учитель выставил за дверь круглого отличника."

"..." — мысленно вздохнул Чи Нин.

Теперь у него не осталось ни малейших сомнений. За стеной действительно сидел его дражайший соученик.

<http://bllate.org/book/20385/2131219>